

Лейтмотив болезни в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»

Елизавета А. Шишкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sh.elizaveta16@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется смыслообразующая функция лейтмотива болезни в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Под лейтмотивом мы понимаем центральный мотив художественного произведения. Болезнь рассматривается нами как аномалия жизни, в инварианте своем представляющая пограничную, лиминальную ситуацию, нечто ненормативное. В романе революция и гражданская война представлены как социальные процессы, болезненные сами по себе и распространяющие болезнь, «заражающие» людей, окружающее пространство. Болезнь в разных своих проявлениях (как душевных, так и телесных) пронизывает всю ткань романа. В данной статье с помощью методики мотивного анализа И.В. Силантьева исследуются несколько событий, реализующих интересующий нас мотив. Лейтмотив болезни оказывается в романе центральным, сюжетообразующим.

Ключевые слова: мотив, лейтмотив, Б. Пастернак, Доктор Живаго, мотив болезни, мотивный анализ

Для цитирования: Шишкина Е.А. Лейтмотив болезни в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 2. С. 60–68. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-60-68

The leitmotif of illness in the novel “Doctor Zhivago” by B. Pasternak

Elizaveta A. Shishkina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sh.elizaveta16@yandex.ru*

Abstract. The article considers the meaning-forming function of the leitmotif of illness in B. Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”. By leitmotif we mean the central motif of a fiction work. Illness is seen as an anomaly of life, which in its

invariant represents a borderline, liminal situation, something non-normative. The novel presents revolution and civil war as social processes that are morbid in themselves and spread the disease, “infecting” people and the surrounding space. Illness in its various manifestations (both mental and bodily) permeates the entire fabric of the novel. The article, with the help of I.V. Silantiev’s method of the motif analysis, studies several events realizing the motif of interest to us. The leitmotif of illness turns out to be the central, plot-forming motif in the novel.

Keywords: motif, leitmotif, B. Pasternak, Doctor Zhivago, motif of illness, motif analysis

For citation: Shishkina, E.A. (2025), “The leitmotif of illness in the novel ‘Doctor Zhivago’ by B. Pasternak”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 60–68, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-60-68

На сегодняшний день в пастернаковедении существует значительное количество исследовательских работ, посвященных роману Б. Пастернака, предметом которых оказывались различные аспекты произведения [Флейшман 1977; Смирнов 1996; Суханова 2005; Жолковский 2011; Буров 2011; Поливанов 2024].

В работах Е. Фарино [Faruно 1990; Фарыно 1992; Фарино 2011], В.И. Тюпы и коллектива соавторов [Поэтика 2014], Н.А. Фатеевой [Фатеева 2003] наряду с различными аспектами поэтики романа (например, нарративной стратегией, спецификой языка) затрагивается проблематика функционирования мотива, темы, концепта болезни в лирических и эпических произведениях автора. По мнению исследователей [Фатеева 2003, с. 255; Farуно 2001, с. 491], именно мотив, концепт болезни занимает одно из ведущих мест в поэтике Б. Пастернака.

Анализируя заглавие романа «Доктор Живаго», Н.А. Фатеева отмечает, что его ключевая идея «расшифровывается как “исцеление” по отношению к метафоре “болезненного состояния”», а образ Юрия Живаго, доктора и поэта, – как «врачующий все сущее через жизнь» [Фатеева 2003, с. 258].

Развивая положение о смысле названия романа «Доктор Живаго», укажем на работу Д. Йожа, обозначающего целое произведение как «роман-панацею» [Йожа 2013]. Исследователь подробно анализирует лейтмотив болезни, рассматривая болезнь как инициацию, соответственно, интерпретируя мотив согласно законам мифа. Ученый связывает внутрисюжетную борьбу доктора Живаго против болезни, его способность «проводить больного через цар-

ствие мрака» [Йожа 2013, с. 25] со сходной «способностью» самого произведения, в названии своем заключающем имя врача.

Юрий Живаго, как и миллионы других людей, оказывается внутри тяжелой, глобальной социально-исторической болезни, изображенной в романе, – революции, повлекшей за собой гражданскую войну. Герой Живаго предстает не просто свидетелем, но диагностом времени, эпохи, сам претерпевая несколько тяжелых болезненных состояний.

Так, на протяжении всего текста романа встречаются различные фигуры речи, так или иначе семантически приближенные к тематическому полю болезни (физической или душевной), многочисленные упоминания о болезни, болеющих персонажах.

Маркеры мотива болезни встречаются в отношении как людей (болеют люди), так и окружающего мира (болеют животные, деревья). Например: «Разрушение дерева, с которого дожди смывали краску и которое точили червь и сырость, возвращало разбитым теплушкам бывшее родство с сырым лесом, <...> с грибом-трутовиком, которым болела береза, с облаками, которые над ним громоздились»¹, или: «Вдруг из них [туч. – *Е. III.*] начинал сыпать снег, в судорожной поспешности какого-то белого помешательства» (с. 355). Признаки болезни присущи в романе и социально-историческим процессам: к примеру, «Появились и распространяются душевные заболевания самого типического свойства, носящие определенные черты времени, непосредственно вызванные историческими особенностями эпохи» (с. 337), «Это была болезнь века, революционное помешательство эпохи. В помыслах все были другими, чем на словах и во внешних проявлениях» (с. 451) и т. д.

В сюжете «Доктора Живаго» прослеживается повторяемость событий или ситуаций болезни: будучи врачом, Юрий Андреевич Живаго или оказывается рядом с болеющими людьми (в Москве, на фронте, в лагере партизан и т. д.), или же болеет сам (в революционной Москве, в Варыкине, Юрятине и послереволюционной Москве).

Представим перечень выделенных нами событий и ситуаций болезни в романе: самоубийство отца Живаго, отравление Амалии Карловны Гишар, воспаление легких Анны Ивановны, нервная горячка Лары, болезненная бессонница Антипова, ранение Живаго, глухонемость Клинцова-Погоревших, болезнь сына Живаго Сашеньки, болезнь тифом жительницы дома, тиф Живаго в Москве, ранение белогвардейца, помешательство Памфила Палых, тиф

¹ Здесь и далее текст романа приводится по изданию: *Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3: Доктор Живаго. М., 1990. С. 151. Номер страницы указан в круглых скобках в тексте.*

Живаго в Юрятине, «сумасшествие» Живаго в Варыкине, самоубийство Стрельникова, сердечная болезнь Живаго в Москве.

Ниже с помощью мотивного анализа нескольких событий болезни Юрия Живаго (заболевание тифом в Москве, болезнь в Юрятине, «сумасшествие» в Варыкине) мы проиллюстрируем нашу идею о смыслообразующей функции лейтмотива болезни в составе художественного целого романа.

Обратимся к языку мотивного аналитического описания, предложенного И.В. Силантьевым [Силантьев 2024, с. 119], и будем рассматривать лейтмотив болезни в трех его аспектах:

- 1) семантика мотива: признаки предиката (событийный статус и отношение актантов к событию), признаки актантов (герой/персонаж, смысловое отношение актантов друг к другу), пространственно-временные признаки;
- 2) синтактика мотива: ближайшее фабульное окружение в его препозиции и постпозиции, а в необходимых случаях и дальнейшее окружение, существенное с точки зрения фабульной связи события;
- 3) прагматика мотива: сюжетный смысл события (смысл произошедшего события) и его сюжетная интенция (цель сообщения в повествовании об этом событии).

Проанализируем, согласно выбранной методике, выделенные нами сюжетные элементы.

1. Тиф Живаго (Москва).

Болезнь Юрия Андреевича разворачивается во время Гражданской войны после февральской революции 1917 г. С сюжетной точки зрения его болезнь предваряется посещением больной тифом женщины и его высказыванием о своем тифозном часе.

Юрий Андреевич заболевает тифом, переживает бред и жар, пребывает в пограничном состоянии, его видение окружающего пространства искажается. Во время болезни он находится в как бы полусвоем-получужом пространстве – квартире своей семьи, часть из которой уже отдана для жилья чужим людям.

Это событие болезни примечательно по нескольким причинам. Во-первых, в повествование вводится персонаж брата Живаго – Евграф как помощник героя, не так часто возникающий в тексте романа, однако значительно влияющий на ход жизни Живаго. Именно он во время болезни доктора навещает его, достает необходимые продукты, выхаживает. Также именно он говорит Антонине Александровне о необходимости отъезда из города, направляет, помогает, способствует изменению судьбы семьи Живаго, самого Юрия Андреевича. В постпозиции к болезни Юрия Андреевича и находится его отъезд с семьей в Варыкино.

Во-вторых, впервые мы отчетливо видим семантическое сближение мотивов болезни и творчества, переживания особых измененных состояний тела и души. В промежутках болезни Живаго пишет поэму «Смятение» о трех днях жизни Христа – между положением во гроб и воскресением. При этом в описании его состояния отмечается, что он пишет «с жаром и необыкновенной удачей» (с. 206) то, что ранее не мог написать и только сейчас ему это удастся. Болезненное, пограничное состояние, таким образом, становится специфической возможностью для творческого акта.

Болезнь Живаго завершается выздоровлением, герой преодолевает лиминальную ситуацию, временную смерть. В отличие от большинства событий и ситуаций болезни, процесс выздоровления описан более подробно. Так, поправляющийся Живаго назван «блаженным», по-особенному воспринимающим мир: «...он не искал между вещами связи, все допускал, ничего не помнил, ничему не удивлялся» (с. 206). В таком описании обозначается не столько телесное, сколько духовное выздоровление, возрождение, просыпание и воскресение, о которых в полубредовом состоянии и говорит поэт.

2. Тиф Живаго (Юрятин).

Живаго возвращается из плена лесного воинства в Юрятин, в комнату Лары, где ее не застает. Это «чужое» пространство наполнено полчищами крыс, которые уже не впервые встречаются доктору в этой квартире. В предболезненном состоянии нездоровой усталости, жара, бреда ему снятся два тяжелых сна, его сознание путается. Отметим, что сны возникают в пограничном болезненном, кризисном состоянии Живаго и внутри себя несут также семантику пограничности: например, в первом сне пространство разделяется явно на две части дверью, управляет которой Юрий Андреевич, оказываясь в позиции мучительного выбора между маленьким сыном в опасности по одну сторону и Ларой – по другую. Второй сон по содержанию своему предстает предваряющим схожую ситуацию скорых сборов Лары в дорогу перед отъездом с Комаровским. Здесь сон сопровождает внутренний кризис, являясь частью лиминального состояния.

Лишь через некоторое время Юрий Андреевич находит рядом с собой Лару, которая его лечит, выхаживает и заботится о нем. Герой с ее помощью преодолевает тяжелое лиминальное состояние.

В данной ситуации большую часть описания занимает постепенное выздоровление доктора, их жизнь с Ларой, долгие разговоры. В фабульном времени это занимает около полугода, проходят весна и лето.

Продолжительное пребывание вместе двух героев становится особым пространством сближения, узнавания друг друга, диалога о прошлом, будущем, Комаровском, Стрельникове, Тоне. Впервые в повествовании Живаго и Лара так продолжительно, глубоко, откровенно разговаривают. Сюжет таким образом ретардируется, определяются, акцентируются ценностные позиции героев.

3. Живаго «сходит с ума» в Варыкине.

После отъезда Лары с Комаровским Юрий Андреевич остается один в их варыкинском доме, «чужом» пространстве. Острейшим образом переживая расставание с любимой, Живаго теряет счет времени, «медленно сходит с ума», забрасывает себя, дом, переживает обманы чувств. В этом болезненном состоянии Живаго видит сон, тяжкое видение о «драконьем лого» под домом. В сюжете этой событие обрамляется, с одной стороны, разлукой с Ларой, с другой – встречей со Стрельниковым.

Несколько раз выразительно подчеркивается абсолютная исключительность происходящего с Живаго: обострение восприимчивости Юрия Андреевича, «удесятиренная резкость» его восприятия. Окружающая природа является ему «небывалой». Так и его душевное состояние определяется как «несообразное», то есть не имеющее образа, с которым можно было бы соотнести, не имеющее рамки, в которую можно было бы определить происходящее.

Пребывая в таком пограничном состоянии около недели, он записывает стихи «с лихорадочной торопливостью», что оказывается для него утешением и исцелением. Происходит трансформация его стихотворений, их своеобразное «выздоровление»: «Так кровное, дымящееся и неостывшее вытеснялось из стихотворений, и вместо кровоточащего и болезнетворного в них появлялась умиротворенная широта, подымавшая частный случай до общности всем знакомого» (с. 447). Стихи, посвященные любимой, «плач по Ларе», он особенным образом выделяет среди своих произведений: остальное и сделанное ранее для него – «мазня о всякой всячине».

В этом событии вновь акцентируется семантика связи болезни и творчества. С одной стороны, болезненное острое переживание становится отправным состоянием для творения, с другой – создание стихов, попытка выражения душевной боли, восприятия происходящего становится актом преобразования, преображения действительности и одним из способов преодоления лиминальной ситуации.

Итак, в романе «Доктор Живаго» болезненность становится новой повседневностью, новой нормой миропорядка, находящегося в стадии становления. Мироустройство оказывается в пограничной ситуации, когда старые законы уже разрушены и не применимы,

а новые еще не установлены. Такая переходная, пограничная ситуация закономерным образом порождает пограничные состояния болезни действующих лиц, отдельно – главного героя.

Таким образом, лейтмотив болезни в «Докторе Живаго» оказывается в романе ключевым, пронизывая весь текст, образует художественную целостность произведения.

В романе Б. Пастернака революция осмысливается, прежде всего, как масштабная социально-историческая болезнь. Противопоставляется ей не борьба и не пассивное подчинение этой сверхсиле, но возможность индивидуального, свободного, целительного творческого акта, соединение с вечностью, что, в частности, реализуется в итоговой тетради стихотворения Юрия Живаго как символе бессмертия. Болезнь и выздоровление оказываются семантическим стержнем романа.

Будущую статью мы посвятим теоретическому обзору исследований художественной репрезентации болезни, в частности, мотива болезни в произведениях русской прозы. Обратимся к ключевым научным работам, обозначим актуальное состояние исследуемой проблематики, а также наметим перспективы последующих изысканий в теме репрезентации болезни в художественной литературе.

Литература

- Буров 2011 – *Буров С.Г.* Полигенетичность художественного мира романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: Дис. ... д-ра филол. наук. Ставропольский государственный ун-т. Ставрополь, 2011. 650 с.
- Жолковский 2011 – *Жолковский А.К.* Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.
- Йожа 2013 – *Йожа Д.З.* Роман-панацея: и Аскланий как протообраз доктора Живаго (к постановке вопроса) // Культура и текст. 2013. № 2. С. 7–41.
- Поливанов 2024 – *Поливанов К.М.* «Доктор Живаго» как исторический роман. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 376 с.
- Поэтика 2014 – Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении / под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014. 512 с.
- Силантьев 2024 – *Силантьев И.В.* Теория мотива и проблемы мотивного анализа. М.: Издат. дом «ЯСК», 2024. 368 с.
- Смирнов 1996 – *Смирнов И.П.* Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 204 с.
- Суханова 2005 – *Суханова И.А.* Структура текста романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Ярославль: Ярославский государственный педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского, 2005. 147 с.

- Фарино 2011 – *Фарино Е.* Муаровая капуста и тетрадь откровений (археопоэтика «Доктора Живаго». 2) // Культура и текст. 2011. № 12. С. 6–67.
- Фарыно 1992 – *Фарыно Е.* Юрятинская читальня и библиотечарша Авдотья (археопоэтика «Доктора Живаго». 6) // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / отв. ред. А. Мальтс. Тарту: Тартуский ун-т, 1992. С. 385–411.
- Фатеева 2003 – *Фатеева Н.А.* Поэт и проза. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.
- Флейшман 1977 – *Флейшман Л.* Статьи о Пастернаке. Bremen: K-presse, 1977. 149 с. (Studien und Texte)
- Faryno 1990 – *Faryno J.* Княгиня Столбунова-Энрици и ее сын Евграф (археопоэтика «Доктора Живаго». 1) // Поэтика Пастернака – Pasternak's poetics. Bydgoszcz: Wydawnictwo WSP, 1990. S. 155–221.
- Faryno 2001 – *Faryno J.* Чем и зачем писатели болеют и лечат своих персонажей? // Studia litteraria Polono-Slavica. Т. 6: Morbus, medicamentum et sanus – Choroba, lek i zdrowie. Warszawa: SOW, 2001. S. 485–494.

References

- Burov, S.G. (2011), *Poligenetichnost' khudozhestvennogo mira romana B.L. Pasternaka "Doktor Zhivago"* [The polygenetic nature of the artistic world of B.L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago"], D. Sc. Thesis (Philology), Stavropol State University, Stavropol, Russia.
- Faryno, J. (1990), "Duchess Stolbunova-Enrizi and her son Eugraf (Archaeopoetics of 'Doctor Zhivago'. 1)", in *Poetika Pasternaka – Pasternak's poetics*, Wydawnictwo WSP, Bydgoszcz, Poland, pp. 155–221.
- Faryno, J. (1992), "The Yuryatyn library and the librarian Avdotya (Archaeopoetics of 'Doctor Zhivago'. 6)", in Mal'ts, A., ed, *Sbornik statei k 70-letiyu profesora Yu.M. Lotmana* [Collected articles for the 70th anniversary of professor Yu.M. Lotman], Tartusskii universitet, Tartu, Estonia, pp. 385–411.
- Faryno, J. (2001), "What and why do writers make their characters sick and treat them?", in Bobryk, R. and Faryno, J., eds., *Illness, medicine and health*, Polish Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies, Warszawa, Poland, pp. 485–494.
- Faryno, J. (2011), "The moire cabbage and the notebook of revelations (Archaeopoetics of 'Dr. Zhivago'. 2)", *Kul'tura i tekst*, no. 12, pp. 6–67.
- Fateeva, N.A. (2003), *Poet i proza* [Poet and prose], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Fleishman, L. (1977), *Stat'i o Pasternake* [Articles about Pasternak], K-presse, Bremen, Germany.
- Józsa, D.Z. (2013), "The panacea novel. Asclepius as a prototype of doctor Zhivago (raising the question)", *Kul'tura i tekst*, no. 2, pp. 7–41.
- Polivanov, K.M. (2024), *"Doktor Zhivago" kak istoricheskii roman* ["Dr. Zhivago" as a historical novel], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

- Silant'ev, I.V. (2024), *Teoriya motiva i problemy motivnogo analiza* [Motif theory and problems of motif analysis], Izdatel'skii dom "YaSK", Moscow, Russia.
- Smirnov, I.P. (1996), *Roman tain "Doktor Zhivago"* [A novel of mysteries "Dr. Zhivago"], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Sukhanova, I.A. (2005), *Struktura teksta romana B.L. Pasternaka "Doktor Zhivago"* [The structure of the text of B.L. Pasternak's "Doctor Zhivago"], Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo, Yaroslavl, Russia.
- Туупа, В.И., ed. (2014), *Poetika "Doktora Zhivago" v narratologicheskoi prochtenii* [Poetics of "Dr. Zhivago" in narratological reading], Intrada, Moscow, Russia.
- Zholkovsky, A.K. (2011), *Poetika Pasternaka: invarianty, struktury, interteksty* [Pasternak's poetics. Invariants, structures, intertexts], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елизавета А. Шишкина, студентка, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sh.elizaveta16@yandex.ru

Information about the author

Elizaveta A. Shishkina, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sh.elizaveta16@yandex.ru